УДК: 339.924 DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-177-186

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЙ ЭТАП КОНКУРЕНЦИИ ПРОЕКТОВ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

***Цыбаков Д.Л.*[1]**

Цель статьи – рассмотреть содержание и особенности интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Выявляется политическая природа конкурентной борьбы между интеграционными проектами, которые продвигают на пространстве СНГ и Балтии Европейский союз и Евразийский экономический союз. Автор обосновывает, что на современном этапе международных отношений конкуренция между объединениями государств и межгосударственными союзами за выбор того или иного вектора интеграционных устремлений составляла один из ведущих векторов мировой политики.

В статье анализируются трансформации соперничества между европейской и евразийской стратегиями переформатирования постсоветского региона, а также выявляется влияние на конкуренцию между ними на пространстве СНГ таких проектов как, «Большая Европа» и «Большая Евразия». В *результате исследования* делается вывод, что вступление в конкурентную борьбу за геополитические предпочтения новых независимых государств СНГ таких субъектов, как США, Европейский союз и КНР, каждый из которых предлагает собственный проект интеграции, требует пересмотра политики Российской Федерации по отношению к странам постсоветского региона.

Ключевые слова: постсоветское пространство, интеграция, интеграционный проект, Евразийский экономический союз, Европейский союз, «Большая Европа», «Большая Евразия».

Цыбаков Дмитрий Леонидович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: Россия, 302028, Россия, г.Орёл, б. Победы, д.5а, e-mail : d413839@yandex.ru

INTERNATIONAL INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE: A NEW STAGE OF COMPETITION BETWEEN RUSSIAN AND EUROPEAN UNION PROJECTS

TSYBAKOV D. L. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail : d413839@yandex.ru

The purpose of the article is to consider the content and features of integration processes in the post-Soviet space. The political nature of competition between integration projects promoted in the CIS and Baltic countries by the European Union and the Eurasian economic Union is revealed. The author proves that at the present stage of international relations the competition between associations of States and interstate unions for the choice of a vector of integration aspirations is one of the leading vectors of world politics.

The article analyzes the transformation of rivalry between the European and Eurasian reformatting strategies of the post-Soviet region, and also reveals the impact on projects between them in the CIS space of such projects as Greater Europe and Greater Eurasia. As a result of the study, it is concluded that the entry into the competition for the geopolitical preferences of the newly independent CIS states of such entities as the USA, the European Union and China, each of which offers its own integration project, requires a review of the policy of the Russian Federation in relation to the countries of the post-Soviet region.

Keywords: Post-Soviet space, integration, integration project, Eurasian Economic Union, European Union, "Greater Europe", "Greater Eurasia".

В условиях постбиполярного мира и процесса глобализации конкуренция интеграционных проектов государств и их блоковых объединений приобретает значение общемировой тенденции. Например, становление и развитие Европейского союза в свое время проходило в обстановке напряженного идейного, информационно-пропагандистского и дипломатического противоборства между различными группами формирующегося панъевропейского «политического класса» и продвигаемыми ими проектами межгосударственной интеграции. Достаточно вспомнить период конкуренции-соперничества между стратегиями континентальной и океанической \ атлантической интеграции для стран Западной Европы в 1950-е-1970-е гг. Первый из них выражался в содержащем элементы наднационального управления проекте создания Европейского экономического сообщества, второй был представлен сугубо

межгосударственным форматом Европейской ассоциации свободной торговли, которая на момент своего создания включала одиннадцать европейских государств.

На наш взгляд опыт конкурентного соперничества и поиска компромиссов в области продвижения интеграционных стратегий, полученный европейскими политическими элитами в период 1970-х-1980 гг., мог быть использован и в современной политике геополитического переформатирования постсоветского региона. Идейная и политическая конкуренция различных подходов к дальнейшему развитию евроинтеграции сохраняется и на современном этапе развития Европейского союза. Актуальным для второго десятилетия 2000-х гг. признаем конкуренцию между НАТО и ЕС по поводу реализации на Европейском континенте политики обороны и безопасности. Так, представители стран «Старой Европы» в лице Германии, Франции и Италии не оставляют попыток создания «европейской армии», альтернативной по отношению к военной организации Североатлантического союза.

Нередко конкуренция интеграционных проектов становилась всё более распространённой в региональном и даже глобальном масштабе. Примером могут служить проекты Трансатлантического торгово-инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства, периода 2010-2016 гг., вступавшие в прямую конкуренцию с концептом «Большой Европы», приверженность которому демонстрировалась ироссийским политическим руководством.

Проявлением интенсивной конкуренции различных проектов межгосударственной интеграции может служить региональный политический процесс в Азиатско-тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии. Специфика его заключается в том, что принципиально противоположные сценарии межгосударственной интеграции конкурируют между собой в рамках довольно аморфного объединения – Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). На деле в его составе функционируют несколько межрегиональных организаций - Сообщество «Ассоциация государств Юго-Восточной Азии», американо-канадское объединение «Североамерикнское соглашение о свободной торговле» (НАФТА), австралийско-новозеландский союз АНЗСЕРТА.

Достаточно активно в последние годы противопоставляет себя другим партнерам «Сообщество АСЕАН»[1]. Именно оно выдвигает проект наднационального интеграционного союза регионального масштаба - Восточноазиатского сообщества, которое с 2005 г. пытается играть роль эффективной альтернативы по отношению к собственно АТЭС[2]. Определяя порядок участия в Восточноазиатском сообществе лидеры АСЕАН придерживаются принципа избирательности, препятствуя вступлению в объединение англоязычных стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Но главной

[1]Арунова Л.В. Этапы интеграции АСЕНА в единое экономическое сообщество //Юго–восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – №15. – С. 90–105.

[2]Гладченко Л.В. Проект «Сообщество АСЕАН»: проблемы региональной интеграции на современном этапе. //Проблемы национальной стратегии. – 2016. – №4(37). – С.121–137.

целью лидеров АСЕАН в лице Малайзии выступает постепенный выход из-под преобладающего влияния США и Японии, которые являют собой другой полюс интеграции, использующий в своих целях формат АТЭС.

При этом американо-японская коалиция избегает открытых форм соперничества за интеграционную идею в отношениях с странами Юго-Восточной Азии. Так, США не реагируют на акции изоляционистского характера с их стороны и стремятся проникнуть в полноправные члены вновь создаваемых межгосударственных объединений.

Перечисленные примеры доказывают востребованность темы соперничества за геополитическое доминирование в постсоветском регионе – именно там, где концентрируются сегодня национально-государственные интересы современной России.

Проблематика интеграционного преобразования постсоветского пространства традиционно пребывает в фокусе теории международных отношений. Значительный вклад в разработку отмеченной проблемы вносят научные труды И.Ф. Кефели, обосновывающие трансформацию роли России из одного из инициаторов интеграции в общеевропейское объединение в сторонника гипотетической «Большой Евразии». Большой интерес вызывает монография К.Е. Мещерякова, Е.Ю. Трещенкова «Евразийская интеграция и Россия», где авторы представляют развернутое видение центростремительных процессов в постсоветском регионе[1]. Немалую теоретико-методологическую ценность для постижения сущности конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ имеют работы А.В. Торопыгина, в которых рассматриваются соперничество концепций и планов переформатирования Евразии,– Евразийского проекта (Россия), «Экономического пояса на Новом Шелковом пути» (КНР), «Стратегии Нового Шелкового пути» (США), а также систематизируются положения «русского», «восточного» и «западного» теоретических направлений концепта евразийской интеграции[2].

Также следует отметить творческие разработки Е.И. Пивовара в определении соотношения таких тенденций как интеграция и регионализация постсоветского региона[3]. Особенно актуальным представляется его вывод о базовых причинах интеграции периода Российской империи или СССР, которые остаются релевантными для процессов интеграции/дезинтеграции и на современном постсоветском пространстве.

По нашему мнению, наиболее устойчивым и последовательным вектором межгосударственной консолидации на пространстве СНГ и Балтии в последние годы

1Трещенков Е.Ю., Мещеряков К.Е. Евразийская интеграция и Россия. – С-Пб :Скифия–принт. – С 5.
2Никулина А.А., Торопыгин А.В. К вопросу о концептуальной основе развитияЕвразийской интеграции .//Управленческое консультирование. – 2017. – №3. – С.60–67.
3 Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. – СПб : «Алитейя», 2008. – 308 с.

стали скоординированныеинтеграционныестратегии «единой Европы» - «Европейская политика соседства» и «Восточное партнерство». Которые с течением времени превратились в антагонистов проектов Таможенного союза, Евразийского экономического пространства и Евразийского экономического союза, отвечающих геополитическим и политико-экономическим замыслам Российской Федерации. Причем в научном сообществе находит все больше сторонников мнение относительно объективных и субъективных преимуществ панъевропейского проекта относительно формата евразийской интеграции новых независимых государств СНГ. Прежде всего речь идет о нацеленности панъевропейской политической элиты на вовлечение постсоветских республик в орбиту своего политико-правового влияния, что предполагает постепенное и растянутое по времени, но все более тесное ограничение национального суверенитета партнеров по интеграции. Так, Д.А.Пахолкин обоснованно аргументирует, что Евросоюз навязывает им формальные обязательства по конституированию привнесенных извне политических принципов, практик и интитутов[1].

Определим, что вплоть до 2014 года создание ЕАЭС рассматривалось в контексте реализации концепта «Большой Европы» (или «интеграция интеграций»), в соответствие с которой предполагалось создание Евразийского союза по модели, имеющей немало общего с аналогичным проектомЕС. Конечная цель евразийской интеграции, в связи с этим,была определена как создание общего политико-экономического пространства от Атлантического до Тихого океанов. В результате, первоочередноеформирование Еразийского экономического сообщества могло рассматриваться как этап, прохождение которого затем позволяло бы постсоветским элитам интегрироваться с Европой на равных началах. Тем не менее, кризисы вокруг Украины 2004 года и особенно 2014 года стали критическими и переломными в отношениях России-ЕС и затем ЕАЭС-ЕС. Одновременно, и зарубежные и отечественные эксперты указывают на комплекс объективных факторов (включенность в систему глобального экономического рынка, наличие транспортных и социальных коммуникаций), способствующих восстановлению отношений между Евразийским экономическим союзом и «единой Европой».

Поэтому, в экспертной среде сохраняется признание высокой конфликтности взаимоотношений между ЕС и ЕАЭС применительно к достаточно ограниченному по времени периоду. Авторская позиция заключается в том, что российское руководство изначально проводило курс на максимально возможное сближение евразийского интеграционного проекта с европейским на взаимовыгодных паритетных основаниях. Евразийское интеграционное объединение,судя по многим свидетельствам,

[1]Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве.// Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Том 12. – №6. –С.171–186.

воспринималось политическим руководством России как переходный этап в процессе формирования «Большой Европы» от французского Бреста до российского Владивостока. Однако замысел российской стороны не встретил понимания панъевропейскойполитической элиты. Для интеграционной стратегии «единой Европы» остается характерно совмещениеразнородных интеграционных форматов, функционирующих по односторонне установленным Брюсселем стандартам, под его прямым или косвенным контролем. Таким образом, только Евросоюзу отводится роль эксклюзивнаяроль инициатора интеграционных процессов для стран Восточной Европы и новых независимых государств постсоветского пространства.

Отметим, что противостояние интеграционных проектов ЕС и ЕврАзЭССледует воспринимать в качестве одного из векторов более широкой по масштабу конкурентной борьбы за геополитическое переформатирование европейского континента и Северной Евразии. Заслуживает признания мнение М.Л. Лагутиной, о том, что выдвижение евразийского проекта было ответом России и ее союзников на череду вызовов со стороны «единой Европы» и только усилило конфронтационные импульсы в отношениях между Москвой и Брюсселем[1]. Со своей стороны, современная России принимает конфронтационный вызов, что, по мнению С.А.Мелькова, свидетельствует о стремлении ее «политического класса» наполнить реальным содержанием процесс нациестроительства[2].

Единственным сдвигом в отношениях ЕС-ЕАЭС, помимо обусловленного меркантильными потребностями европейской бюрократии возвращение Российской Федерации права голоса в ПАСЕ в июне 2019 г., является проведение технических консультаций между Еврокомиссией и некоторыми органами ЕАЭС по сугубо практическим вопросам. На данный момент нет достаточных предпосылок для того, чтобы ожидать кардинального изменения данного положения в условиях отсутствия регулярного политического диалога РФ-ЕС и сохранения санкционного режима со стороны Европейского союза.

Разумеется, благодаря некоторой посткризисной стабилизации, острота конфликтности интеграционных проектов в последние годы несколько снизилась. Однако противоречия, обусловившие её возникновение, не нашли принципиального и последовательногоразрешения, потому риски, связанные с конфронтацией Россия-Европейский союз, сохраняются. На наш взгляд, в настоящее время доктрина «Большой Европы», на которую уповают сторонники российско-европейского сближения, не имеет шансов на реализацию в обозримом будущем. Европейские лидеры, прямо увязывают ее успех с уступками со стороны России в решении «украинского вопроса». По нашему мнению, обращение представителей ведущих

[1]Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях//Управленческое консультирование. – 2015. – №11. (83). – С.124–136.
[2]Мельков С.А. Какие ценности предстоит защищать России //Власть. – 2015. – №2. – С.94–97.

европейских государств к идее создания «Общего экономического пространства», то есть пролога гипотетической «Большой Европы», может носить конъюнктурный характер. Подобным образом демонстрируется гипотетическая возможность компенсации для России в обмен на ее признание выхода Украины из сферы политического влияния Москвы.

В связи с этим преодоление конфронтационной фазы отношений Россия-ЕС и ЕАЭС-ЕС, прогнозируемое рядом экспертов, в среднесрочной перспективе представляется маловероятным. Более того, скорее следует констатировать расширение конкурентного поля интеграционных проектов России и ЕС. Которое во втором десятилетии XXI столетия дополняется соперничеством евразийских стратегий РФ («Большое евразийское партнерство»), ЕС («Объединяя Европу и Азию») и КНР (Инициатива «Пояс и путь»). Перспективы преобразования Евразийского экономического союза из компонента «Большой Европы» в ключевое звено экономической интеграции на пространстве «Большой Евразии» также представляются весьма призрачными. По нашему мнению, такая цель требует формирования платформы для устойчивого диалога с Европейским союзом, а также Китаем и другими центрами силы в Евразии.

Отметим, что роль китайской политики в политическом и политико-экономическом переформатировании постсоветского региона, безусловно, велика и имеет тенденцию к усилению. Отношения КНР к интеграционным проектам ЕС и ЕАЭСносит прагматический и дифференцированный характер.

Выдвинутое нами предположение находит подтверждение в исследованияхЕ.М.Кузьминой, рассматривающих интеграционные перспективы евразийского проекта, включая корректировку позиции КНР по сотрудничеству с ЕАЭС через призму большей открытости российской экономики для партнеров из союзных стран СНГ[1].

Укажем, что интеграционная политика Китая нацелена на преимущественно двустороннее сотрудничество как с европейскими странами, так и с новыми независимыми государствами СНГ. С одной стороны, Китай имеет договоры о сотрудничестве с обеими организациями.

В свою очередь, взаимодействие КНР с Евразийским экономическим союзом нацелено на создание стратегического резерва в глобальной конкуренции с США и их союзниками. Отметим, что ЕАЭС и «Пояс и Путь» не имеют причин для конфронтации, поскольку первый создавался в качестве механизма интеграции государств, а второй представляет собой стратегию формирования сети инфраструктуры и коммуникации на евразийском пространстве.

При этом интеграционная политика Китая нацелена на преимущественно

[1]Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз в новых экономических условиях//Управленческое консультирование. – 2016. – №10. – С. 45–53.

двустороннее сотрудничество как с европейскими государствами, так и с новыми независимыми государствами СНГ. Нельзя забывать, что Россия воспринимается в Пекине как великая держава, своего рода посредник в отношениях с ЕврАзЭС, тогда как остальные его участники рассматриваются в качестве развивающихся стран. По отношению к постсоветскому региону Китай не предпринимает попыток создания аффилированных интеграционных объединений, как это происходит в отношении европейских государств. Показательным примером служит китайский проект «16 + 1», провозглашенный в июне 2011 года. Помимо инвестиционных траншей китайская сторона предлагала восточноевропейским странам создать полноценную международную организацию, но пока не встретила должного для себя понимания. Ответной мерой со стороны Европейского Союза стало принятие в 2016 году «Элементов новой стратегии ЕС в отношении Китая», которое выдвигает Пекину обязывающие условия (реформы, открытость, права человека) для углубления сотрудничества между «Единой Европой» и КНР. Однако прагматически ориентированный Китай не видит для себя необходимости восприятия европейских норм и идейных ценностей, что и дальше будет привносить в отношения ЕС-КНР элемент взаимного идеологического отчуждения и геополитической конкуренции.

В качестве вывода отметим, что избрание российской стороной в качестве символического ментального стержня и пропагандистского шаблона термина «евразийская интеграция» имеет весьма противоречивый идейно-политический эффект. Понятие «евразийское пространство» употребляется для обозначения определённого географического ареала без чётко выраженных контуров и организационно-политического оформления. Популяризация термина «Евразия» в отечественной экспертной аналитике среде и в масс-медиа стран СНГ не предполагает наличия единого политического субъекта, воплощением которого является евразийская интеграция. За концептом «евразийства» не прослеживается сколь-нибудь длительной исторической традиции, которая бы находила непосредственный отклик в обществах государств-членов ЕврАзЭС.

В отличие от него, общее советское прошлое продолжает оставаться ценностью для массового сознания народов новых независимых государств постсоветского региона, что должно учитываться российской стороной в ее политике по продвижению национальных интересов страны на геополитическом пространстве СНГ и Балтии.

В свою очередь, глобальные проекты «Большая Европа», «Большая Евразия» представляются в большей степени идеологическими декларациями или теоретическими конструктами, которые пока еще не преобразовались в конкретные интеграционные стратегии, в практическом плане конкурирующие по отношению друг к другу. Поэтому и на пути становления в качестве связующего звена «Большой Евразии» Евразийскому экономическому союзу придётся и далее участвовать в интеграционной конкуренции, причём не только на своём западном секторе, но и на восточном.

Библиография/References:

1. Арунова Л.В. Этапы интеграции АСЕНА в единое экономическое сообщество // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 90–105.

2. Гладченко Л.В. Проект «Сообщество АСЕАН»: проблемы региональной интеграции на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 4 (37). – С. 121–137.

3. Кефели И.Ф. Геополитическая экспертиза проекта «Большая Евразия»: теоретико-методологические аспекты // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник ИНИОН РАН. – 2018. – С. 92–93.

4. Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз в новых экономических условиях // Управленческое консультирование. – 2016. – № 10. – С. 45–53.

5. Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11 (83). – С. 124–136.

6. Мельков С.А. Какие ценности предстоит защищать России // Власть. – 2015. – № 2. – С. 94–97.

7. Никулина А.А., Торопыгин А.В. К вопросу о концептуальной основе развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 60–67.

8. Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Том 12. – № 6. – С.171–186.

9. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. – СПб.: «Алетейя», 2008. – 308 с.

10. Трещенков Е.Ю., Мещеряков К.Е. Евразийская интеграция и Россия. – СПб.: Скифия–принт, 2014. – 258 с.

1. Arunova, L.V. (2010) Etapy integratsii ASENA v edinoe ekonomicheskoe soobshchestvo [Stages of ASENA integration into a single economic community] // Iugo-vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia [South East Asia: actual problems of development]. – № 15. – P. 90–105. (In Russ.)

2. Gladchenko, L.V. (2016) Proekt "Soobshchestvo ASEAN": problemy regional'noi integratsii na sovremennom etape [The ASEAN Community Project: Problems of Regional Integration at the Present Stage] // Problemy natsional'noi strategii [National Strategy Issues]. – № 4 (37). – P. 121–137. (In Russ.)

3. Kefeli, I.F. (2018) Geopoliticheskaia ekspertiza proekta «Bol'shaia Evraziia»: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Geopolitical expertise of the project “Big Eurasia”: theoretical and methodological aspects] // Bol'shaia Evraziia: Razvitie, bezopasnost',

sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. Ezhegodnik INION RAN. – P. 92–93. (In Russ.)

4. Kuz'mina, E.M. (2016) Evraziiskii ekonomicheskii soiuz v novykh ekonomicheskikh usloviiakh [Eurasian Economic Union in the New Economy] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. – № 10. – P. 45–53. (In Russ.)

5. Lagutina, M.L. (2015) ES i EAES: problemy i perspektivy sotrudnichestva v sovremennykh geopoliticheskikh realiiakh [EU and EEU: Problems and Prospects of the Cooperation in the Current Geopolitical Conditions] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. – № 11 (83). – P. 124–136. (In Russ.)

6. Mel'kov, S.A. (2015) Kakie tsennosti predstoit zashchishchat' Rossii [What values are to be defended by Russia] // Vlast' [The Power]. – № 2. – P. 94–97. (In Russ.)

7. Nikulina, A.A., Toropygin, A.V. (2017) K voprosu o kontseptual'noi osnove razvitiia Evraziiskoi integratsii [On a Question of a Conceptual Basis of Development of the Euroasian Integration] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. – № 3. – P. 60–67. (In Russ.)

8. Pakholkin, D.A. (2017) Normativnaia sila v konkurentsii evraziiskogo i evropeiskogo integratsionnykh proektov na postsovetskom prostranstve [Normative power in the competence of the Eurasian and European integration project in the post-soviet space] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – Tom 12. – № 6. – P. 171–186. (In Russ.)

9. Pivovar, E.I. (2008) Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy integratsii. Istoricheskii ocherk [Post-Soviet space: alternatives to integration. Historical background]. – SPb.: «Aleteiia». – 308 p. (In Russ.)

10. Treshchenkov, E.Iu., Meshcheriakov, K.E. (2014) Evraziiskaia integratsiia i Rossiia [Eurasian integration and Russia]. – SPb.: Skifiia–print. – 258 p. (In Russ.)